

РАСПОБЛЮ

Метаморфозы «Русского балета»

ПРОШЛИ времена, когда артистический труд — и правда тяжелый — сравнивали по энергозатратам с работой каменщика и столяра. Театр стал привычным делом. И для зрителей, и для артистов. Это в том случае, если артист не при Большом, который, в свою очередь, при президенте. Или, на худой конец, — не в театре Станиславского, который — соответственно — при правительстве Москвы.

Пятнадцать лет назад театр «Русский балет» начинался и по статусу, и по профессиональному уровню — как областной. Но театру повезло. Он тоже оказался «при». Не при деньгах как при структуре. При Вячеславе Гордееве, который принял камерный ансамбль из шести человек после смерти его соавтателя, одной из лучших балерин Большого Ирины Тихомировой.

Сегодня театр «Русский балет» — это труппа мирового уровня, в которой танцовщики через часто — лауреаты самых разных и престижных балетных премий. Общий спад интереса к русскому искусству эту балетную труппу не касался — театр по-прежнему собирает аншлаги в Европе и Америке.

Вячеслав Гордеев, у которого к юбилею «Русского балета» «ни ручки» оказалось еще и Большого театр, администратором себя тем не менее не считает. Для него день по-прежнему начинается с балетного класса в Кузьминках (там поуту приписки «Русского балета»), а вечером он выходит на сцену.

— На самом деле за всю свою жизнь и по-настоящему хорошо ставил два или три раза. Это было давно. Хорошо — значит, по внутреннему ощущению наполнено и технически точно. Когда «как кому» и «как надо» совпали.

Чувство неловкости собой — неуловимое и ведет настоящего артиста всю жизнь. Можно выйти на сцену предельно собранным, в отличной форме, объясняет Гордеев, а через двадцать минут от этого ничего не останется. Это состояние, которое ты должен передать зрителю, это дыхание и ощущение жизни, которого в самой жизни нет и без которого человек на самом деле жить не может, скорректировать артисту невозможно. Он вает, публика рукоплещет, а артист уходит со сцены работор — он-то знает, что ставилась пьеса. Мастерство — это среди прочего в том и

состоит, чтобы достоинства танцовщика показать, а его недостатки скрыть.

Но, как говорят в балетной среде, «пришло мастерство — ушел прыжок». Ушла сумасшедшая огача танцу, когда мысли нет, какие травмы можно получить, что будет потом с ногой.

— Искренность в танце, — говорит Вячеслав Михайлович, — она почему-то уходит с легкостью.

А еще у «балетных» происходит армейский оборот — без потерь. Без потерь — значит танцевать с полной выкладкой и при этом рухнувший в порядке. Гордеев засмеивается.

— Нам всего сорок пять человек. Мы танцуем «Лебединое озеро» — без потерь, «Дон Кихот», «Жизель» — без потерь. Это труднейшие кордебалетные спектакли. Артисты переодетые по пять-шесть раз за спектакль. В «Щелкунчике» у каждого артиста по шесть-семь костюмов.

Те, кто об этом знает, поражаются: как артисты выдерживают такую нагрузку. Видно, потому, что мастерство пришло — а легкость осталась.

Екатерина ДАНИЛОВА,
фото
Максима КЛИМЕНТЬЕВА

